

В МИРЕ ЗВУКОВ

1

Пятиэтажное строение с вензелями и колоннами стояло в глубине двора. Краска на доме давно облупилась, оштукатуренные балконы выглядели обшарпанными. Тем не менее старый дом смотрелся внушительно, чем-то напоминая дворянскую усадьбу. Не очень характерный дом для Ярославля, прямо скажем. По обе стороны от дорожки, ведущей к подъезду, шумели высокие клены. Мария помнила время, когда деревца были еще совсем молодыми, с нежными резными листочками. Каждый раз в конце лета она ждала того момента, когда, придя к бабушке в гости, заметит кленовые листья яркого красного цвета.

— Баб, а почему у других деревьев листья все лето зеленые, а у клена — красные?

— Такое дерево. Почем мне знать! Ты вот книжки читаешь, гляди внимательнее, там про это небось тоже написано.

— Написано, но то специальные книжки должны быть.

— Так в твоей библиотеке, поди, и специальные книжки должны быть. Вот и бери специальные. А ты про что читаешь? Все сказки?

Маленькая Маша не хотела читать специальных книг. Прочитаешь книжку, и загадка уйдет. Нет уж, пусть лучше останется волшебство.

Мария по привычке подняла голову. Листьев на кленах почти не осталось, осенний ветер трепал последние. Зато под ногами — шуршащий ковер желтого цвета. В который раз Мария восхитилась удивительным свойством природы: сбрасывать по осени листву. И снова, как в детстве, Мария шла не по листьям, а норовя носками сапог поддеть их и отбросить в стороны, заставляя рассыпаться ярким веером. «Листопад — гололед для трамвая», — почему-то вспомнилась ей фраза, когда-то прочитанная на рекламном щите в Москве. Листопад-гололед — это же полное несоответствие. Она прошептала про себя:

— Всем здравствуйте, — и взялась за ручку двери.

Соседка с нижнего этажа практически столкнулась с ней лоб в лоб:

— Машенька, с работы? А Надюша сегодня что-то красивое играла. Долго так и громко.

Мария поздоровалась в ответ с извиняющейся улыбкой. Понятное дело, обращать внимание стоило не на «красивое», а на «громко».

— К концерту готовимся.

— Ну да, ну да. Вот хорошо нам, каждый день концерт, и денег платить не надо.

И соседка пошла, прихрамывая, в сторону бульвара. В каждой руке по полной авоське. Вот ведь наша советская женщина, крайне выносливая! Домой — с сумкой продуктов, из дома — тоже с полными сумками. В прачечную? В сапожную мастерскую? Подруга Светка говорила «для баланса». Обязательно для баланса нужно нести в каждой руке по сумке, а иначе искривления позвоночника не избежать.

Мария подавила в себе чувство неловкости из-за того, что ее семья постоянно мешает соседям. Ну что теперь делать? Может быть, все эти люди когда-нибудь будут гордиться соседством с ее гениальной дочерью. Конечно! Именно так и будет! И Мария наконец вошла в подъезд.

Женщина заметила, что поднимается на пятый этаж уже не так легко, как раньше. Это раньше взлетала за минуту. И неважно, обута ли в туфли на высоких каблуках или в руках — авоська с картошкой. Что это — возраст? Неужели сорок семь лет — это уже возраст? Мария его никак не ощущала, ей казалось, что внешне она совсем не изменилась, даже лучше стала, как говорится, «интереснее». Есть женщины, которых возраст только украшает. Грузины, например, сравнивают женщину с выдержанным вином. Чем старее вино, тем выше его ценность. Может, оно и верно? Вот только за виноградом ухажи-

вать нужно правильно. Ухаживала ли за собой Мария? Постольку-поскольку. Времени на это особо не было. Одеваться вот стала лучше, это правда. Фигуру сумела сохранить. Да, не тростинка, про таких, как она, говорят «статная». Еще мама учила, что главное во внешности женщины — это обувь и прическа. Все остальное приложится. Вот Мария и следила за тем, чтобы туфли были модными: на этом не экономила. С прической было легче: густые русые волосы, слегка волнистые, легко укладывались в любую прическу. Мария, в зависимости от ситуации, завязывала их в хвост или делала низкий пучок, носила и распущенными, предварительно зачесав назад и как следует сбрызнув лаком, чтобы прическа выглядела аккуратно. Сегодня она причесалась именно так. Волосы, распущенные по плечам, оставляли лицо и лоб открытыми.

Светлое пальто Мария расстегнула, чтобы легче было дышать, поднимаясь. Остановившись передохнуть в пролете между четвертым и пятым этажами, проверила набойки на новых сапогах. Все в порядке, можно еще неделю походить, а потом — бегом в мастерскую. «Это ж надо, уже отдыхать нужно», — про себя удивилась Мария и все-таки списала усталость на недавно надетое осеннее пальто и новые сапоги. Или все-таки виноваты неприятности на работе?

Да уж, перестала она перепрыгивать через ступеньки, поднимаясь по лестнице. Ну и ладно. Че-

го прыгать-то? К тому же многое зависит от настроения. Когда все хорошо, никогда она эти лестничные пролеты не пересчитывает. А сегодня директор на ковер вызывал, так даже вспоминать не хочется.

Директор тыкал пальцем в отчет, жилы на шее вздулись, галстук съехал набок.

— Под монастырь меня хочешь подвести? Как я, по-твоему, должен эти цифры показывать в министерстве?!

Директор что было силы шваркнул отчетом о стол.

— Иди и переделывай!

— Я не могу, я вам уже объясняла, — Мария старалась оставаться спокойной.

— Слышать ничего не хочу! Передовиками были, ими и останемся. Слышишь? И все! И иди! У тебя вон сколько штатных единиц в отделе. И считаете не на счетах.

— Так в том-то и дело...

Мария пыталась вставить хоть слово, а директор распался все больше.

Женщина выдохнула и продолжила подъем. Завтра, завтра она обязательно распечатает все таблицы с показателями за месяц и пойдет к директору еще раз. Это решено, а сейчас она идет домой. Там ее ждет дочь, лучше подумать о хорошем.

Вот даже лучше, что дом старый и без лифта: подниматься по лестнице пешком полезно для здоровья, а то на зарядку времени не хватает, утром все бегом, такие вот спуски-подъемы никому еще не вредили.

Мария любила свою жизнь, свою небольшую семью из двух человек: ее самой и восемнадцатилетней дочери Нади; работу, где она сумела дорасти до начальника планового отдела. И пускай директор не всегда был в настроении и мог, как казалось Марии, порой понапрасну спустить на нее собак, но в коллективе Марию уважали, она занималась полезным делом и чувствовала себя нужной.

Этот старый дом, построенный пленными немцами, она тоже очень любила. Дом был добротным, с толстыми стенами, ему не страшны были ни февральские морозы, ни июльская жара. Надя могла играть на пианино в любое время суток: звукоизоляция в доме была превосходной, что бы ни говорила соседка. Да и разве можно было сравнить этот дом с лепниной и вензелями на фасаде с любовью ярославской блочной громадиной? Спасибо бабушке!

Бабушку Мария поминала всегда, входя во внутренний дворик дома за чугунной оградой. Ну и ладно, что без лифта. Здоровее будем!

— Лезешь, лезешь, хорошо, хоть перила крепкие, всегда тебя удержат. — Бабушке сложно было подниматься на пятый этаж. Но от помощи внучки она принципиально отказывалась. Двумя руками держась за перила, перевесив через плечо, как почтальон, свою вечную дерматиновую громадную сумку, она тяжело переставляла ноги.

— Ничего, главное, есть куда лезть. Долезем!

2

Дверь на мелодичный звонок открылась практически сразу. Мария вошла в тесный коридорчик их двухкомнатной квартиры. Сразу же в глаза бросились отошедшие обои в углу. «Надо все же подклеить», — пронеслось в голове. Эта мысль всегда возникала у Марии в тот момент, когда она входила в квартиру, и тут же улетучивалась, стоило ей пройти чуть дальше по коридору, на кухню.

Если дочь ее не встречала и можно было немного передохнуть на банкетке, то она даже начинала подсчитывать, сколько рулонов обоев нужно купить, чтобы заново оклеить весь коридор. Получалось всего-то три рулона. И работы на полтора дня. С вечера раскатать и разрезать. А утром сварить клей и поклеить. В помощь можно позвать верную подругу Светку: Надя не помощница, у нее руки музыканта, которые нужно беречь. А Светка обязательно отзовется. Муж Гриша помочь Марии всегда отпустит. А может, еще и сам придет подсобить. Правда, они будут мешать Наде: грототать, громко разговаривать. Нет, пожалуй, вполне еще можно обойтись тем, что есть. Просто подклеить немного в углу. Но клей все равно варить придется.

Дочь бросила через плечо: «Здрасте», — и неторопливо пошла в свою комнату. «И что за манера!» — в который раз удивилась Мария. Почему она, встре-

чая дочь, бросает все свои дела, не уходит из коридора, пока та не повесит пальто в шкаф, еще и тапки ей найдет и будет стоять с этими тапками, пока дочь как следует не разглядит себя в зеркале, наматывая на палец челку и нехотя отвечая на настойчивые мамины вопросы. Надя же никогда ни тапки не подаст, не спросит, как дела. Спрашивать приходится всегда и все самой, причем уже выкрикивая через коридор.

— Что в училище? — Мария, как всегда, начала с того, что было самым важным.

— Все нормально! — Надя растягивала слова, давая понять, что, может, слов сказано и немного, зато разговаривает она достаточно долго для того, чтобы не уточнять, что и как.

— Что значит «нормально»?! Что сказала Софья Михайловна? — Марию это растягивание слова никак не устраивало. Нет, ну с какой стати?! Столько затрачено сил, и не только Надиных. Ее, материнских, ничуть не меньше. Уж нервов-то точно.

Надя, видимо, поняла по тону матери, что детализировать придется. Она нехотя уточнила, и Мария почувствовала в голосе дочери некоторое самодовольство:

— Как всегда: что я гений и в консерваторию мне прямая дорога.

— Ну-ну...

Мария поставила сумку на пол и села на табуретку. Снять сапоги сил не было. Опять вспомнилась несправедливая ругань директора. Все, нужно вы-

бросить его из головы. Завтра она покажет ему отчет еще раз и докажет, что по-другому его составить просто нельзя. Никак нельзя! Мария его же в конце концов и защищает, как он этого не поймет!

Надя подбежала к матери. Да нет, совсем еще ребенок. Старается строить из себя взрослую, но вот забудется и опять — маленький кролик. Почему Мария звала дочь Кроликом, она уже и сама не помнила. Кролик, и все. Такое вот домашнее прозвище.

— Устала? Что? Неприятности? Опять этот козел орал?

— Надя! Ну так нельзя. Просто устала. И, по-моему, ноги натерла, — женщина улыбнулась дочери. Как же мало нам надо, вот ведь всего одно слово, и вроде как уже легче, и забылись эти бесконечные склоки в местном и недовольный директор. А он всегда недоволен.

— Давай помогу, — девочка ловко стянула сапоги. — А что у нас на ужин?

— Сейчас, посижу немного, что-нибудь сварганю.

Мария задумалась было о том, что дочь уже вполне взрослая и к приходу матери могла бы и сама чего-нибудь сварганить, но за эти самые сапоги сразу готова стала лететь на кухню и начинать печь пироги.

— Поиграй. — Это скорее был вопрос, никогда Мария не знала, как на него ответит Надя. Дочь могла запросто отрезать: «Не сейчас» — или: «Устала». Могла вдруг пуститься в долгий рассказ о том, какие пассажи ей особенно нравятся. А могла, вот как сегодня, быстро и с улыбкой согласиться.

— Ага, — Надя села за пианино. — И учти: только ради тебя, свою программу я на сегодня выполнила.

— Давай-давай, понятное дело, что для меня.

На выпускных Надя должна играть Моцарта, 107-й концерт. Мария уже знает его наизусть, под него делает свои графики и сводит балансы, мысленно напевая, когда вынуждена брать работу на дом. Мелодия прокручивается в голове со всеми нюансами. Вот здесь совсем пиано, а здесь форте, а сейчас предстоит самый сложный пассаж, и Мария невольно подается вперед, представляя дочь за инструментом. Сегодня она просто слушала, глядя на дочь. Как выросла ее девочка и совсем не похожа на нее, Марию. Вся в отца: и внешне, и особенно характером. Жесткая, бескомпромиссная. Но все же Мария вырастила хорошую дочь. Не все измеряется вовремя поданными тапочками. Вот, смотри-ка, — гений. А что? Действительно, это не просто способности, а нечто большее, и ее дочь поступит в консерваторию во что бы то ни стало.

Она сама мечтала выучиться играть на фортепьяно. Только откуда у ее матери было взяться деньгам на такую дорогую вещь? Даже представить себе сложно. Да и у самой Марии их не было, когда она решила учить музыке свою дочь. Если бы только был жив Володя... Нелепая авария в 25 лет. Выпили, понеслись гонять на мотоцикле. Мария всю жизнь будет винить себя в этой трагедии.

В тот день Володя вернулся с завода навеселе, позже обычного. Никакие объяснения по поводу пятницы

и зарплаты на Марию не подействовали. А на кого бы подействовали?! Надюше только-только исполнилось полгода, оручая была — страсть, а тут еще затемпературила. Вроде зубы, а если нет? С трудом дождалась мужа с работы, сама никак не могла принять решение, что делать: вызывать врача или нет? Володя явился, не запылится, да еще вместе с соседом Витькой.

— Жена, принимай! Нового Витькиного друга отмываем.

— Ой, да вы уж вроде начали.

— А нечего тут нам высказывать, рабочий класс гуляет, имеем право, премию получили, опять же вон Витька какого коня купил!

Конечно, не права была, конечно, нужно было и стол накрыть, и рядом посидеть. Все мы умны задним умом. В тот момент такая обида захлестнула молодую женщину, что других слов, кроме как: «Вот пусть вас ваш конь и принимает. А кобыла какая подвернется, тоже не расстроюсь», — не нашлось. Мария со слезами вытолкала обоих.

3

...Володя умер, не приходя в сознание, и с тех пор они с Надей все проблемы решали вдвоем.

Когда хотелось выть от бессилия, от безденежья, от одиночества и обиды, Мария не давала се-